

Алексей Максимович Горький

ЖЕНЩИНА

Летит степью ветер и бьет в стену Кавказских гор; Горный хребет - точно огромный парус, и земля - со свистом - несется среди бездонных голубых пропастей, оставляя за собою изорванные ветром облака, а тени их скользят по земле, цепляются за нее, не могут удержаться и - плачут, стонут...

Деревья гнутся долу, словно бегут; кусты встряхивают ветвями, как собаки шерстью, и стелются по черной земле, - она дымится вся в пыли, течет не умолкая сухой шорох, свист и вой, шелкают аисты, крикают сытые вороны, немолчно трещат степные сверчки, и, словно командуя всем, раздаются крики солидных крупнорослых станичников. С голой степи мчитя перебитая молотилками золотая солома, на площади нарядной казачьей станицы крутятся серые вихри, летают птичьи перья и сожженный солнцем желтый лист.

Торопливо появляется солнце, быстро исчезает, точно оно гонится за бегущей землею и устало уже - отстает, тихо падая с неба в дымный хаос на западе, где тоже горы в снежных вершинах и краснеют сырые тучи, тяжелые, как вспаханная земля.

Порою между массами туч ослепительно сверкает седло Эльбруса и хрустальные зубья других гор - они вцепились в облака и пытаются удержать их. Так ясно чувствуешь бег земли в пространстве, что трудно дышать от напряжения в груди, от восторга, что летишь вместе с нею, красивой и любимой. Смотришь на эти горы, окрыленные вечным снегом, и думается, что за ними бесконечно широкое синее море и в нем гордо простерты иные чудесные земли или просто - голубая пустота, а где-то далеко, чуть видные в ней, кружатся разноцветные шары неведомых планет - родных сестер моей земли...

Со степи едут воза обмолоченного хлеба; в пыли, черной и жирной, как сажа, степенно и тяжело шагают круторогие сивые вола, глядя в землю терпеливым взглядом круглых глаз; на возу лежит казак, в серой от пыли рубахе, мохнатая папаха сдвинута на затылок, лицо черно от загара, глаза красны от ветра, а борода склеена потом, пылью - точно каменная. Иногда казак идет впереди воза, у ярма; ветер толкает его в спину, раздувая рубаху; человек так же гладок и солиден, как вол, и глаза у него такие же терпеливо-умные; двигается он не торопясь, как будто зная все, что ждет его впереди.

- Цоб... цобе...

У них хороший урожай в этом году, все они - здоровые, сытые, но - смотрят хмуро, говорят неохотно, сквозь зубы. Может быть, устали в работе...

Посреди станицы в небо поднялась краснокирпичная церковь о пяти главах, с колокольной над папертью; наличники окон оштукатурены и покрашены желтоватой краской - церковь как будто слеплена из мяса, обильно прослоенного жиром, тень ее тучна и тяжела: храм, созданный сытыми людьми большому спокойному богу.

Хороводом стоят приземистые белые хаты; точно дородные бабы, стоят они, опоясавшись кручеными поясами плетней, пышно окутанные шелками садов, покрытые выцветшей парчой камышовых крыш, а над крышами качаются серебристые тополя, вздрагивает кружевная листва акации, тарахтят, как детские погремушки, сухие стручья, темные ладони каштанов треплются в воздухе, точно желая схватить быстро бегущие облака. Со двора на двор бегают казачки, высоко подоткнув подола юбок и рубах, обнажив до колен большие, крепкие ноги, - торопясь убраться к празднику, они озабоченно покрикивают друг на друга и на круглых ребятишек, которые - словно воробы

- купаются в пыли и, черпая ее горстями, высоко подкидывают в воздух.

У церковной ограды, за ветром, развалились по сухому рыжему бурьяну "шляющие за работой"; их десятка два, всё это - "никудашный народ", мечтатели, ожидающие счастливого случая, доброй улыбки судьбы, или - лентяи, опьяненные широким простором богатой земли, пленники русской страсти к бродяжеству. Они ходят группами в два-три человека из станицы в станицу, именно "за работой", смотрят на нее, удивляются ее обилию, но работают только в крайней нужде, когда уже нет возможности утолить голод иными способами - попрошайничеством или воровством.

Завтра - Успеньев день, в богатой станице - праздник, и вот они собрались отовсюду, в надежде, что праздничный день напоит и накормит их досыта, без труда с их стороны.

Все это "русские" - из центральных губерний, они дочерна сожжены непривычным солнцем юга, волосы их выгорели, ветер ершит и треплет их